

№ 2/2005

СУБЪЕКТ

*Журнал, который
делаем мы*

Перед вами уже **ВТОРОЙ** номер журнала «**СУБЪЕКТ**»!

Каждый по-своему переживал холодное время года, дотягивая до весны. Теперь зима почти закончилось, и можно подвести черту под произведениями и мыслями, родившимися на холоде.

Тексты этого номера больше всего объединяет то, что они очень разные.

Присоединяйтесь к нам с Весной!

Присылайте ваши мысли, пожелания и предложения, рисунки и тексты на наш почтовый адрес: subject_gazeta@rambler.ru

Над номером работали:

Иосиф Фурман
Всеволод Чернозуб
морни

Иллюстрации и дизайн:

Виктория Ионова
Мария Егорова

Художественная верстка:

Михаил Минаев

Здравствуйте!

Мы все желаем друг другу здоровья, даже человеку, которого ненавидим. Так нас учат в детстве и это правильно, нужно быть терпимым. Становясь более взрослыми, мы начинаем играть в социальные нормы, субординации и прочие насущные вещи.

Это необходимые навыки, без которых ты не станешь человеком.

Читаю исследования английского психолога Дэвида Майерса — оказывается в мире значительное большинство литературы посвящено весьма негативным переживаниям, депрессиям, разбитым надеждам и жизненным неудачам. О счастливых моментах и эмоциях пишут мало, с большой неохотой. Это психолога настораживает, заставляет делать выводы о том, что людей счастливых мало.

Еще А.Маслоу говорил, что выражению позитивных эмоций нужно учиться, негативные, мол, и так легко выражаются, особо и стараться не надо. Запад...

Разговариваю с однокурсницей — ее тоже интересует, почему более популярны депрессивные песни и книги. Благо я недавно размышлял над исследованиями психолога. Ответ приходит более или менее быстро.

Наши игры — игры в социум и т.п. Благодаря тому, что нас окружают слишком много людей, мы вынуждены постоянно находиться в форме, то бишь мы должны улыбаться и рассказывать о том, как прекрасна жизнь, может быть и не в данный момент, но в принципе. Мы должны всячески показывать свою контактность остальным. Даже когда остаешься один, начинаешь выстраивать возможные конструкции в общении, не можешь полностью отключиться от действительности. Очень часто к одиночеству ненавязчиво присоединена работа, учеба и прочие прелести, от которых невозможно отказаться.

В общем, когда выпадает абсолютно свободное время, ты берешь книжку или включаешь свою любимую музыку, но странным образом оказывается, что герой переживает далеко не лучшие свои времена, да и любимый певец жалобно тянет о тяжелой судьбе. Вот такие расклады... Это конечно, при условии, что литература и музыка вменяемого качества.

Вспоминаем с сокурсницей о том, что человека, который на вопрос, как у него дела, начинает рассказывать правду-матку, называют занудой.

Теперь давайте попытаемся встать на позицию людей, создающих тексты с налетом негатива. Это не так уж тяжело, они примерно похожи на нас. У них такие же проблемы, они играют в такие же социальные нормы, они тоже читают и слушают музыку. Но они еще пишут. Как вы думаете, о чем они в первую очередь начнут писать? Именно — о всем прошлом и неприятном, которое их окружает! Короче говоря — о плохом. Эх, попадись бы нам их рукописи, которые не исправлял сам от себя такого не ожидавший автор, к которым не прикасалась трепетная рука редактора! Мы бы ими упивались...

Для них и нас это терапия. Это те переживания, которые авторы не побоялись вынести на публику, в душе надеясь, что она поймет. Это мы та публика, которая радуется из-за того, что наши переживания не такие уж одинокие, не такие уж они и беспросветные, о них можно всерьез думать и говорить — хотя бы друзьям. И именно эти сплетения грустных настроев автора и наших собственных, дают нам путь к преодолению хотя бы частички трудностей.

И не прав А.Маслоу. Хорошие эмоции выражаются так же прямо, как и плохие, только несколько по-другому. Если чем-то добрым делится человек с человеком — они всегда это уловят, почувствуют. А что потом они будут думать по этому поводу — их личное дело.

Все зажатые пружины стремятся расправиться. В наиболее формализованных обществах появляются фанаты-отморозки, юридическая ответственность за «не такое» слово, подозрения в сексуальном домогательстве за живые человеческие проявления, в таких странах в период восстаний режут всех подряд.

Господа психологи — спрашиваю и себя, — неужели вы хотите нас лишить тех немногих возможностей побыть людьми? Или скоро даже в книгах и песнях будет только отталкивающий общественный пафос?

Как обыватель — я против. Как будущий психолог — работа у нас такая...

Вы еще не полностью счастливы? Тогда мы идем к вам!

Гаврила Татышо

Холодно

...не помню. Помню только, что все это время стоял зверский мороз, и постоянно шел снег. Холодные точки, вальсирующие на ветру, сливались в непроглядную белую стену, из-за которой казалось, что я давно стою на месте. Стою как вкопанный, хотя шаг стал для меня настолько привычным движением, что, казалось, даже если бы понадобилось, я не смог бы остановиться. Впрочем, пока в этом не было необходимости. Напротив, необходимо было идти и идти к той цели, которую я поставил себе вечность назад... и о которой уже успел позабыть. Все что я помнил: ни в коем случае нельзя останавливаться, и тогда, рано или поздно, я достигну до своего счастья.

Правда, что такое счастье, я тоже забыл. Уже давно в моей насквозь промерзшей голове поселилась мысль, что счастьем для меня стало бы простое теплое солнце, если б оно соизволило выплывать хоть откуда-нибудь и рассеять белый мрак вокруг меня. Сначала я пытался избавиться от этой мысли, ведь там, откуда я шел, было солнце. Если в нем заключено мое счастье, на кой черт я куда-то поперся? Но мысль мертвой хваткой вцепилась в промороженные извилины и упрямо не хотела покидать меня. В конце концов, я смирился с ее существованием. Все равно солнца не было.

Господи, как холодно! Почему так холодно? Сколько времени иду, а все никак не могу привыкнуть. И даже кажется, что с каждой минутой, с каждым мигом становится все холоднее. А ведь я тепло одет. Или нет? Почему так холодно?

О чем, бишь, я думал? Ах, да. О счастье. Счастье... Это слово так часто повторялось мной, что уже приобрело запах и вкус. При чем, и то, и другое было до боли знакомо, но названий я вспомнить не мог — хоть убей. Счастье... Это слово неизменно висело передо мной, как стена из снежинок. Иногда я даже мог прочесть эти семь букв, написанных на белом всеми возможными цветами. Похоже, что я иду навстречу слову. А слово с той же скоростью уходит от меня. Как горизонт. Или радуга. Или мираж. Или...

Как же холодно! И эти чертовы снежинки... Впиваются мне в лицо, примерзают к бровям и ресницам, тают во рту, попадают в глаза... Как же много этих проклятых снежинок! Откуда их столько берется? И почему они никогда не долетают до земли?

Да что ж такое, опять сбился! О чем же я думал? Что-то ведь приятное было... А, ну и пусть. Забыл, значит, неважно.

Почему вокруг ни души? Сколько времени я иду один! Вымерли все что ли? А ведь хорошо бы было увидеть человека. Поговорить. Я так давно ни с кем не разговаривал! А ведь хотелось бы. Ведь вдвоем идти все веселее, чем в гордом одиночестве. Я бы что-нибудь рассказал ему, он — мне. Мы б, наверное, даже подружились бы! Как хорошо иметь друзей! Друг никогда не бросит, всегда поддержит, обогреет... нет, согреет. Со... Да, хорошая такая приставка «со».

Проклятье! Я уже брежу. Проклятый холод, проклятые снежинки, проклятый мир... Да будь оно все проклято! Как надоело... Все один да один. Люди, где же вы? Без вас же нет дружбы и... этой... как ее?... Любви!!! Все забывать стал. Люди. Где же... вы?

— Люуууууууудииииииииии!!! — в отчаянии крикнул я из последних сил, с трудом разлепив смерзшиеся губы. Хотя мои силы, сколько бы их ни было, все время казались мне последними. Раньше я тоже кричал, и точно так же, как сейчас, в ответ раздавалось протяжное:

— Ууууууууудииииииии, — это похабное эхо выкрикивало мне что-то нецензурное. А еще иногда я слышал нечто непонятное. Белая пустота вокруг меня изредка отвечала мне «че надо?», или «мы здесь!!!», или «да не ори ты в ухо!», или еще что-нибудь в том же духе. А

однажды я услышал и вовсе странное «бедненькие. Что ж с вами делать-то?». Каждый раз, когда мне мерещился такой ответ, я ужасно пугался. Я понимал, что начинаю сходиться с ума. Я растирал лицо снегом, а потом ускорял шаг, а потом...

Стоп! Что это? Никак дымом запахло? Да, точно. Вот уже треск костра пробивается через гул ветра. Вижу! Вижу костер! И человека, сидящего у огня. Человек. Почему он так легко одет? Неужели пламя так согревает, что он не чувствует этого дикого мороза? Кто это? Может, он тут и вовсе не один? Становится не по себе... Вдруг это разбойник? Вдруг его сообщники где-то рядом и только ждут появления прохожего вроде меня? Ограбят. Убьют. У меня, правда, все равно с собой ничего ценного, но пожить еще было бы очень даже неплохо. Пойду-ка я отсюда, пока не поздно. Пытаюсь обойти костер стороной.

— Стой, — доносится спокойный голос. Очень знакомый голос. — Куда собрался?

— Да я так... По делам. Извините, я опаздываю, — отвечаю я, ускоряя шаг. Но что за наваждение? Человек сидит на месте, а расстояние до него не увеличивается!

— По каким делам?

— Ну, знаете, это уже не ваше дело! — я пытаюсь сделать вид, что не боюсь и даже раздражен.

— Ошибаешься. Я задал вопрос: по каким делам идешь?

А, собственно, по каким? Я не могу ответить даже сам себе. Не могу же я сказать, что иду за своим счастьем. Но все равно не останавливаюсь.

— Молчишь? А ты уверен, что дойдешь? От меня вот ты уйти не можешь.

Меня охватывает ужас. Я знаю, что он прав, но не знаю, что с этим делать.

— Остановись.

Я покорно замираю на месте. Я понимаю, что не могу избежать своей судьбы, какой бы она ни была.

— Сколько можно обманывать?

— Что? — пытаюсь переспросить я, но вместо слова вырывается какое-то сипение.

— Сколько можно обманывать? — повторяет человек.

— Кого?

— Обернись.

Мне страшно даже думать, а шевельнуть хоть чем-то я просто не в состоянии.

— Обернись.

Мне страшно даже представить, что находится за моей спиной, но все же человека я боюсь больше, потому что вижу его. Я оборачиваюсь. Бог мой, что же это?! За моей спиной нет ни снега, ни мороза! За моей спиной теплое солнце согревает землю своими ласковыми лучами! За моей спиной люди!!! Множество людей!!! Едва повернув голову обратно, чтобы узнать у человека, что происходит, я тут же отпрыгиваю назад и вскрикиваю от неожиданности. С этой стороны тоже солнце, а человек уже стоит прямо передо мной. И у этого человека... мое лицо.

— Так было всегда.

— Тогда почему?

— Потому. Обернись и запоминай, что видишь. Это поможет.

А видел я, как уже говорил прежде, множество людей. И почти все они, как и я, ежились от холода, укутывались в плащи, обматывались шарфами, до самой шеи натягивали шапки, хотя было очень тепло, и все брели куда-то зигзагами и синусоидами. А то и вовсе ходили по кругу. Медленно, но верно. Даже не замечая этого. Как зомби. Но были и другие. Очень мало. В основном пары. Они были одеты легко. Они мало двигались, а если шли, то напрямую к им одним известной цели. Судя по их смеху, радостным возгласам и умиротворенным лицам, им было хорошо.

Я снова повернулся к человеку... Но его уже не было. И солнца. И людей. Я снова остался один. Лишь костер горел как свидетельство того, что все это не было фантазией воспаленного воображения. Я подошел к огню. Рядом с ним было почти не холодно. Я сел удобнее и начал искать. Теперь я знаю, что для этого не обязательно идти...

морни

Я снова пишу, Аркадьевна! Всегда, когда зима, мне особо чувствуется одиночество — вот я и начинаю писать. Еще мне страшно, что со мной может случиться то же, что стало с Ленкой, как она зажила не одна. Ну, то есть с ней ничего не случилось. Просто в ней произошли какие-то изменения, которые она сама может даже и не замечает. Исчезла у нее какая-то легкость, непосредственность в общении, она стала какой-то чужой для меня, закрытой... скорее, даже стала мне казаться далекой и пустой. Вот: так я хотя бы попробую увидеть, когда со мной начнутся метаморфозы (у меня почему-то всегда вызывает смех это слово). Буду знать, просто для себя, с чего это со мной началось.

Зима. Уф, не люблю зиму. Хожу в длинном, скрывающем «все прелести» пуховике. Последняя наша с мамой совместная покупка. Зимой ходишь, как пингвин — никто и взгляд не кинет! Не могу, когда люди на улице друг на друга не смотрят.

Я вот думаю, неужели мне так важно, чтобы я чувствовала на себе взгляды совсем незнакомых мне людей? Я сама знаю, что если я чувствую, что люди (мужчины тоже входят в их число) на меня не смотрят — у меня портится настроение. Тут, мне кажется, нет ничего необычного. Это, короче, нормально. Хорошо, что у меня всегда хорошее настроение... Мда, скромно. Ну, только зимой я часто пребываю в депрессии, что только подтверждает мои предположения. Люди должны смотреть друг на друга. Вот.

Наверное, от таких мыслей лучше избавляться, но я иногда думаю: как получилось, что Вовка стал жить со мной? Когда бабушка умерла, он мне очень помогал с вещами разбираться, выкидывать мусор. Похороны тоже помогал устраивать. Я, правда, не помню, но я ж точно-точно не планировала, чтобы он остался. Как-то само собой получилось. Судьба, наверное. Ну, раз остался?

Я пытаюсь изредка себе представить, а мог бы это быть например... кто-то другой, в общем? Ну не совсем другой, а какой-нибудь симпатичный мне человек, но не Вова? Тот же Костя, которого я с детства знаю? Вот он очень хороший человек. И так трогательно в меня влюблен. Но я не могу себя представить с ним: не просто из-за того, что он ниже ростом (конечно, это вызывает у меня своеобразный материнский инстинкт — но это мелочи), здесь дело в другом. Мне иногда очень тяжело от его positivity: он такой хороший, аж до скуки. Терпит от меня, все колкости, все мои закидоны, слова поперек не скажет. Чудак...

Я ему, правда, часто звоню. Прошу, чтобы он меня, например, с работы забрал, если я устала и не хочу на метро ехать. Мы с ним недавно в пробке стояли — я чуть не сдохла, его развлекаю. Мне не удобно: меня повез, с какой-то окраины примчался. А он сидит и молчит. Потом ка-а-ак глянет! Такой взгляд жалобный...и очень положительный — застрелиться и не встать. (Что это я написала? Ведь нельзя застрелиться и встать, да? Ладно, потом исправлю на что-нибудь еще.) Мне иногда даже специально его зацепить хочется. Я тогда в этой пробке прокляла все на свете.

Зачем же я его часто прошу о чем-то, пользуюсь?... Знаю, ведь, что не откажет. Неужели мне нравятся наглецы?! Нет. Вроде нет. Ну не наглецы, а такие, с которыми не скучно, и не совсем скоты — получается нечто среднее. Между наглецом и положительным... Ладно, такие мысли тоже надо вытеснять.

Я снова здесь! Сейчас, перечту, что там понаписала... Бедный Костик.

Вова — это кадр. Вова — это кадр. Да, и Вова — это нечто. Человек, не дающий мне действительно расслабиться ни на минуту. Поразительная беспомощность в быту, которая сочетается с неожиданной агрессивностью. Это подай, это принеси! Куда его носки дела, и кто посмел тронуть мою рубашечку? Я думаю: если мужики все такие — застрелюсь.

Зато когда я пришла с цветами из фитнес-клуба!.. Вот это надо было видеть. Как у него челюсть сначала отвисла, потом так медленно выдвинулась вперед (как полка для клавиатуры на моем компьютерном столе): «Кто подарил? Где была?» А взгляды какие кидал — Белый клык отдыхает!

С цветами, кстати, вот какая штука. Я пока на тренажерах сидела, вокруг меня мальчик все крутился. Очень симпатичный: высокий, подкаченный и челочка, и маечка — ну просто вау. Я на такую внешность всю жизнь западала и буду западать. Крутился он, все крутился, потом начинает подкатывать: а давно сюда ходишь, а чего качаешь; комплиментики сыпет, улыбочку давит, в зеркало собой полюбоваться не забывает. Еще оглядел меня: оценивающе, глазами словно пощупал. Не люблю, когда на меня так смотрят: будто покупатель в магазине приглядывает себе игрушку. Ну естественно, я ж знаю, чего ему от меня надо... Интеллектом этот красавчик не блещет. Да и зачем ему мозги, у него и так все хорошо.

На самом деле, мне приятно, что я не только Вове нравлюсь, но и у других, да и не у самых уродов интерес вызываю. И он мне перед выходом цветы подарил. Не знаю, где взял. Надеюсь, в сауне он не с ними потел. Вот почему я с цветами шла.

Вова, кстати, ни разу мне цветы не дарил. Думает, что если мы живем с ним, так и ухаживать не надо. А я, романтическая девушка, жду, когда ж мне мой «принц» сделает подарочек. Вот будет теперь знать...

Я дала тому парню свой телефон. Думаю — зачем? У меня же Вова есть. Хотя он все равно ж не позвонит. Все. Надоело писать. Потом продолжу....

Вова... Вова. Недавно застала его за разглядыванием моего лифчика. Не знаю, чего он там изучал. Я предложила дать поносить, но он ничего не сказал и ушел в ванную. Надеюсь — помыться просто.

Никак не могу окончательно привыкнуть к жизни с чужим телом. Это трудно объяснить: я имею в виду не только физиологические различия, но и культуру быта. Вот у меня как научно получилось. Ж.Аркадьевна и ее статья о «культуре совместного быта»!

Смешно так — как-то положил мне голову на колени и лежит. Я смотрю — а у него в носу волосы растут. Еще говорят, чудес не бывает! С трудом оправилась от своего «открытия». Как-то раньше над этим не думала. И ноги: ведь они у него, правда, волосатые! По-настоящему, покрыты волосами, как у... животного!

К этому привыкаешь, но если задуматься, то я не могу себя представить с волосатыми ногами. Вот хочешь почесать ногу, а она, как голова. И вообще — у меня аллергия на шерсть. Мама с детства запрещала мне общаться с волосатыми мужчинами. Шутка!

На его месте я б, наверное, свои ноги разглядывала, чем женское белье.

Вышел из ванной в моем личном полотенце на чреслах. У них в семье все вытираются одним полотенцем. А то, что это мое личное, просто большое, ему не важно. И как я ему не доказывала, что теперь он не у себя в семье, а в семье со мной — вдвоем у нас семья такая, — ему как об стенку горох. Я даже устала с ним бороться.

Так увлеклась отниманием полотенца, что не заметила, как очутилась на диване. Вот Вова мастер таких дел. Он чувствует моменты, когда я на него заглядываюсь — за это я его и люблю. Как-то так получилось, что в этом полотенце он немного преобразился, невольно подчеркнул свою мужскую сущность: широкие плечи, узкая талия, суровый взгляд, крепкие руки, полотенце на бедрах, под которым прорисовывается...

Наверное, у каждого парня есть такие моменты, когда его наполняет «настоящее мужское достоинство», делая таким... против которого не попрешь. В этот момент хочется чувствовать себя просто его женщиной, без имени, без косметики. И необходимо ощутить мужчину на себе, как тяжелое одеяло — щит, защищающий от всех опасностей и бед этого мира, покрывающий тебя с головой. И потом это безумный, пронзающий все, вплоть до мозга, ритм, в котором растворяется и исчезает и Вова, и я, и все...только это ощущение наполненности чужеродно-желанным...

Аркадьевна разошлась. Это надо вычеркнуть, обязательно. Но, после того, как допишу. Сейчас уже не буду ничего исправлять. Много времени.

Я все равно пока не сплю. Что-то мне вспомнилось, как мы с Вовкой спорили. О чем же мы...про различия в мироощущении мужчин и женщин? Тогда он меня еще поразили своим рассказом о физическом разделении пространства у мужчин. Даже на улице они его все время делят: кто кому дорогу плечом уступает, кто на кого смотрит с поднятой головой — свихнуться можно. Я иду себе и иду, а у них столько заморочек.

Вообще, я люблю с Вовой спорить. Он всегда голову опустит и слушает, чего ему говорят. А потом выдержит паузу, и как начнет бомбить своими аргументами. Умный парень, что и говорить.

Сначала он мне не понравился, кстати. Все парни тогда машины свои обсуждали, а он молчал. Мне тогда еще показалось, что он очень нахально на меня смотрит, словно с издевочкой. Да и машины у него нет. Потом речь зашла о стихах или прозе, сейчас точно не помню, вот он тогда встрял. Да так, что все только рот открыли. А он договорил — и снова молчок.

Никогда мне такие не нравились — самодовольные и самодостаточные. Пожалуй, первый человек, которому я не сразу дала свой телефон — знала, что позвонит. Вот если бы мне сказали: «Ты через пол года будешь с Вовкой жить» — убила бы. Или просто бы не поверила. Не мой тип, абсолютно не мой... а вот как все теперь.

Это оказалось не самодовольство. Просто, он от мира отгородился, чтобы по пустякам свои душевные силы не тратить — это он мне сам так объяснял, когда я его упрекнула. И действительно: никогда голос не повысит, даже смеется почти про себя. Только по взгляду можно понять, что у него на душе твориться.

Не представляю сейчас себя без Вовы. Вторая половина моя. Люблю, получается. Вот его нет до сих пор — я не сплю. Потому что жду. Мужчину моего.

Забавно. Начала писать и пришла к тому, что люблю Вовку. Не написала бы — не поняла так ясно.

Не понятно, почему его так долго нет?! И телефон не доступен. Он с утра зарядил, я помню. Они уезжали какие-то дела улаживать. На машине начальника поехали. Не случилось бы там у них чего.

Господи, боже мой...

Ж. Аркадьевна.

Как я понимаю Бога

Всегда были и всегда будут вещи, что не поддаются описанию методами формальной логики. С давних времён человек приписывал некоторым явлениям природы, таким как молния, огонь, некие мистические основания, так как не мог объяснить их существование исходя из своего эмпирического знания о мире и о природе вещей. С развитием сознания, следствием чего стало развитие науки, таких вещей становится с одной стороны всё меньше, а с другой их становится всё больше. Человек объяснил законами физики и огонь и молнию. После чего он спросил себя: каким образом я это сделал? Этот вопрос предопределил появление такой науки как психология, которая поставила своей целью ответить на него, но чем больше она изучала психику (так был назван её предмет), чем больше ответов она получала, тем больше опять появлялось вопросов. В сущности ответы эти были вроде бы логичными, вроде бы верными, но почему-то всегда оставалось ощущение, что что-то здесь не так, было понимание определённого количества частей, но которые не складывались во что-то целое и не получали свойств этого целого, не присущих его частям, всегда оставалось ощущение незавершённого, незамкнутого круга. Вспомните здесь Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю!». Поэтому различные культы и верования не есть пережиток старого времени, они актуальны и находятся в постоянном движении по сей день. К великому сожалению многих из них это постоянное движение привело на путь тьмы, где место духовного познания заняло тупое преклонение перед вчерашними Богами. Конечная остановка, поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны.

В своё время я был страстным поклонником сериала «Вавилон 5». Безусловно, это было лишь детское увлечение человека, испытывавшего потребность в сказке. Но вот некоторое время тому назад я вспомнил момент оттуда, когда каждая раса представляла на общем совете Богов, которым они поклоняются. Все Боги показались мне такими человеческими и пресными, что на лице невольно появилась лёгкая улыбка. Но тут я вспомнил выступление последней расы (к сожалению, не помню её название), они сказали: «Мы не поклоняемся каким-то определённым Богам, но верим, что все мы дети сознательной вселенной, что породила нас с той лишь целью, чтобы увидеть саму себя изнутри». Это заставило меня, человека, не относящего себя к какой бы то ни было религиозной конфессии, хорошенечко задуматься, есть ли Бог и если есть, то, что Он такое есть.

На мой взгляд, идея сознательного Бога, предопределяющего жизнь и поступки людей, не верна, так как это божественное сознание согласно этой идее, по сути, есть не более, чем Судьба, то есть некая последовательность событий, которую мы в принципе не в состоянии просчитать, ввиду отсутствия знания обо всех её переменных, но и только. То есть проблема заключается лишь в эмпирическом знании её частей (вспомните демона Лапласа), а значит, не имеет отношения к чему-то мистическому, то есть к Богу. Притом абсолютно не важно есть судьба или же нет её, мне важно показать внутреннее противоречие. Тогда получается, что Бог есть некое несознательное существо, я бы даже назвал Его не существом, а неким напряжением сил, единственным свойством которых является индукция этого напряжения посредством человека. Когда такое напряжение разряжается в него, то он получает некое априорное знание или ощущение или состояние, то есть нечто, что не выводимо из эмпирического опыта, что нельзя получить составлением комбинаций из частей, из кубиков бытия. Только таким образом все эти кубики складываются в целое и получают его свой-

ства, не присущие его частям. И только таким образом возможно появление новых кубиков, ведь невозможно себе представить, что уже имеющиеся кубики взялись из ниоткуда, а значит и наше понимание Бога имеет право на существование. Именно посредством таких явлений возможно сделать прорыв к себе и прорыв к миру, возможно увидеть его целиком, выйдя за его пределы. Такие явления всегда сопровождаются в человеке всплесками могучей, злой радости, когда он говорит: «Я чувствую — могу!». Для чего же нужно выходить за пределы? Чтобы это стало ещё понятней, я приведу один пример из Тарасова:

«Человек взял в руку стакан воды и сделал глоток.

Может быть он хотел пить.

Может быть, хотел попробовать воду на вкус.

Может быть, хотел заснуть и не проснуться, но ушибся.

Мы ничего не можем знать об этом, если не знаем, что было до этого глотка, и что было после. Чтобы понять смысл деятельности, нужно выйти за ее пределы. Внутри нее мы можем понять только смысл ее отдельных частей.

Смысл всякой деятельности лежит вне ее пределов.

И смысл жизни — вне ее пределов. Внутри самой жизни мы ее смысл никак не обнаружим. Мы сможем понять смысл только наших отдельных дел и житейских событий».

Таким образом, я думаю, смысл моего предыдущего рассуждения стал Вам полностью понятен.

Теперь же приведём несколько примеров таких явлений. В музыке это так называемый драйв (отсутствие которого многие бездарные музыканты пытаются компенсировать плотностью звучания), когда смешается восприятие времени, а чувства вытягиваются через солнечное сплетение в направлении звучащей музыки, в то время как тело сносит назад напором чувственной энергии, когда слушатели, а порой и играющие рядом музыканты (если это оркестр или ансамбль) превращаются в послушных марионеток, с состояниями которых Музыкант творит всё, что ему вздумается. В изобразительном искусстве — это его глубина. В самом человеке — это интуиция, это любовь, ведь в предмете нашей любви мы видим то, чего не видит другой, но что абсолютно достоверно для нас, то есть, как писал Мамардашвили: «Любовь — искусство, которое строится на понимании случайности эмпирических качеств моей любви; это не они являются причиной моего чувства. То есть воспринимаемое мною как связанное с этими качествами в действительности есть реализация чего-то совсем другого». Объединяет эти явления ещё и то, что их невозможно напрямую передать другому человеку, можно лишь найти адекватные средства (вербальные, слуховые, зрительные и т.д.), чтобы зародить подобное явление в нём, а будет оно настолько подобно явлению другого человека, насколько эти средства адекватны. Но подчёркиваю ещё раз: подобные явления не могут быть переданы ввиду отсутствия предварительного сенсорного условия, они каждый раз должны рождаться вновь.

Теперь зададимся вопросом, каким образом наш Бог или как мы его назвали напряжение сил индуцируется посредством человека. Совсем не верится, что это случайное явление, ведь если бы это было так, то мы получили бы абсолютно одинаковых людей с одинаковыми помыслами и одинаковыми идеями, а это совсем не так. Значит существует нечто, что заставляет нашего Бога индуцироваться в одних людей и не делать этого с другими. Вероятно, раз Бог — это напряжение сил, то чем ближе человек находится к этому источнику, тем чаще он в него индуцируется. Но что в нашем случае есть дальше, а что есть ближе? Мне думается, что наречия эти характеризуют здесь местоположение на пути, если мне позволят назвать его так, просветления, однако сразу замечу, что вкладываю сюда иной смысл, нежели принято вкладывать в обществе. Это не путь самоуничтожения, отказа от благ, молитвы, нет! (Хотя я не отвергаю и его, но только как средство, но не цель) Это путь, на который нельзя ступить, только пожелав этого, ведь как это не печально в человеке ничего не делается напрямую, и, к примеру, желание добра ещё не есть добро — «Благими намерениями

дорога вымощена в ад». — С. Джонсон — поэтому нужна ещё серьёзнейшая внутренняя работа. Мне кажется, что вторая часть этого абзаца явно осталась Вами не понятой, из-за того, что я никак не могу подобрать адекватное вербальное выражение моей мысли, поэтому я хочу попробовать разъяснить её при помощи отрывка из одного стихотворения Николая Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

В этом месте я хочу сделать отступление с тем, чтобы предостеречь моего читателя от преждевременных умозаключений. Я так расписывал своего Бога, что забыл сказать самое главное, что никакого Бога нет, что со своей стороны совсем не мешает ему быть. Как же так: и есть, и нет? Чтобы это стало понятно, нужно вспомнить мысленные опыты Эйнштейна с поездами и скоростью света, которые в физической жизни не проводились и не могли быть проведены, что, однако, совсем не мешало им быть настолько реальными, чтобы объяснять, извиняюсь за тавтологию, абсолютно реальные вещи. В психологии сложилась похожая картина. Скажу Вам по секрету: никакой личности нет, равно как нет и темперамента и характера и т.д. У человека есть некое свойство, с помощью которого он оценивает и изменяет внутренний и внешний мир. Это свойство условно было названо психика, а затем искусственно дифференцировано на личность, темперамент и т.д. Янисколько не осуждаю такое дифференцирование, оно бесспорно дало нам новые возможности, с помощью него психологи многое смогли понять и с помощью этого помочь многим людям. Однако, мы так увлеклись этим дифференцированием, что уже и не заметили, как стали его рабами. Прибегая к нему, нужно всегда помнить о его искусственной природе. Бог точно также есть не что-то отделённое от человека и даже не часть его, а есть сам человек в своём целостном виде.

Алексей Алтунин

Странный период

«У меня начался весьма странный период. Я постоянно думаю о каких-то высоких материях. Поразительный контраст с моей предыдущей реальностью, ведь раньше я спокойно выучивал все задания, два раза в месяц я встречался с друзьями, мы играли в карты, обсуждали последнюю интереснейшую лекцию нашего любимого преподавателя — даже конспект с собой носили, чтобы цитировать.

Если интуитивно углубиться в одну из возможных интерпретаций данных моего отчета о самонаблюдении, то можно выдвинуть гипотезу о бессознательной переиерархизации мотивационной сферы. Вероятно, потребуются дальнейшие исследования»

Николай закончил писать дневник и в задумчивости откинулся в кресле. Только что он понял, о чем долгое время думал — он думал о смысле жизни, своей и других, общества и каждой личности в отдельности. Для повышения кпд мыслительного процесса Николай решил посмотреть что-нибудь по этой проблеме в Интернете, найти литературу и послушать песни.

После семинара, который прошел в целом нормально — четыре уточнения, один вопрос преподавателю и одно критическое замечание в адрес своего вечного оппонента, Николай зашел в магазин и купил себе книжку «Узнай смысл своей жизни».

Вечером, удобно усевшись в глубокое обволакивающее кресло, которое так и тянуло на такие же глубокие мысли, Николай стал с упоением читать. Через некоторое время тишину самым грубым образом нарушила старшая сестра, зашедшая забрать свежий номер журнала «Жизнь после двадцати пяти».

— Слушай сестренка — сказал Николай — а ты когда-нибудь размышляла о смысле жизни?

— Ну... Когда-то да, в свое время, потом я все для себя решила... Да, вот...

Какая она уже самоактуализированная с завистью подумал Николай, когда сестра вышла из комнаты. Уставши читать, он отложил книжку и включил сильно нагруженную смыслом музыку. Неожиданно мыслительный вихрь унес его вдаль от банальной реальности и обыденности. Неизвестно сколько бы еще продлилась эта виртуальная оторванность, но к миру Николая вернул искренне озабоченный проблемами человечества голос Кипелова. «...смысла жизни я не знаю...» — глубокомысленно протянул бывший ариец. Николаю стало со-

всем грустно, никто не мог натолкнуть на правильный путь. Ни любимый преподаватель, ни любимый певец...

Однажды Николай с друзьями пил чай и слушал андеграудных «Рамштайн» и «Арию».

— Ты когда-нибудь думала о смысле жизни? — пытаясь перекричать музыку, спросил Николай у своей соседки справа.

— Че?

— Ты когда-нибудь думала о смысле жизни? — повторил он.

— Ой, говори громче, пожалуйста. Ничего не слышно.

Вот так — подумал Николай — все не слышат, когда речь идет о вещах недоступных легкому пониманию. Эх... Неожиданно ему все это наскучило. Захотелось побыть одному. Поразмышлять о своих проблемах. Он вдруг ощутил нестерпимое чувство одиночества, так красочно описываемое великими людьми.

Пришедши домой Николай решил позвонить своему знакомому. Его звали Афиноген. Он был очень сообразительным парнем — занимался математическим моделированием в науках и имел пятый разряд по шашкам.

— Привет Офиген! — умно сострил Николай.

— Здравствуйте Николай второй. Неужто воскресли после канонизирования?! — язвительно парировал Афиноген.

Несколько минут они трепались о жизни, зацепили политику. И тут Николай решил задать вопрос о смысле жизни. Афиноген слегка растерялся, но быстро нашелся и стал моделировать эту проблему при помощи математики. Так они проговорили в районе часа, но смысл жизни опять не был найден.

Попрощавшись, Николай пододвинул книжку о проблемах решения задач и стал читать. Неожиданно он натолкнулся на рассказ об одном умном человеке, который искал всевозможные решения. Однажды он спал и приснилось ему, что он понял суть вещей, он подскокил и записал все это, потом лег и опять уснул, а с утра прочитал свою запись. «Все предметы пахнут нефтью» — значилось там. Об этом эпизоде в книге писалось очень иронично. Николаю эта ирония показалась неуместной, ведь если посмотреть на эту фразу с точки зрения основных источников формирования профицита российского бюджета, то все выходит правильно. Такая трактовка этой фразы польстила самолюбию Николаю, и он ушел в царство Морфея весь пылающий самоудовлетворенностью.

Прошла неделя и Николай, истерзанный изнутри, сидел возле университета с подавленным видом. К нему подошел поздороваться Серега — неплохой парень, который часто пропускал занятия и скептически относился к некоторым преподавателям. От него пахло пивом, и он был в хорошем расположении духа.

— Слышь Серега, а ты размышлял когда-нибудь о смысле жизни?

— Конечно размышлял, а тебя че на мысли проперло?

— Да... — подавленно сказал Николай, уже не надеясь на хоть какой-то вменяемый ответ.

— Да ты в голову особо это не бери. Нет такого детерминированного смысла жизни. Прикинь, все цели известны, все мотивы структурированы? Это ж примитив и скуотища.

Ты покровительней к словам ученых, покровительней. К борьбе мотивов, переиерархизациям и процессам развития личности. Ко всему покровительней... И еще, скажешь на семинаре что я... э-э-э... ангиной заболел? Ладно пока.

— Пока.

На Николая накатило желание выпить бутылочку пива. Он встал и побрел к магазину...

Покровительней ко всему, покровительней...

Гаврила Татышо

« Я ведь помню ..»

« Я ведь помню...» Иссохшие, но вместе с тем по-прежнему красивые длинные пальцы изящно взмахнули сигаретой — пепел мягко упал на дорогой ковер. Он смотрел сквозь бесчувственную прозрачность стекла то ли на море, то ли на кроваво красный закат не говоря ни слова

Вдруг совершенно неожиданно для меня он крутанулся в кресле и продолжил: «Я ведь помню. Помню всё. Черт возьми, я стал звездой панк рока в 21 год! Наркотики, выпивка, девчонки... Утром я смотрел на себя в зеркало и кричал: детка, я звезда!!! Мне нравилось как крутились колеса нашего лимузина, я обожал сахарницы кокаина и потоки Джэк Дэниелса, обкуренную, беснующуюся Фан зону, единение с толпой, возносящее тебя до небес, чтобы через секунду снова швырнуть вниз... Мы не боялись ни Бога, ни дьявола — ведь это невозможно забыть...

В 23 года я уже был похож на старика... Постоянные турне, наркотики... Я был бледнее смерти, у меня были проблемы со всеми органами и руки, приятель, они тряслись так, что я с трудом мог удержать стакан с виски, чтобы заглушить очередную ломку...

Но знаешь, если бы только мог вернуться туда, в золотые восьмидесятые, я бы все отдал за это... Хотя солнце моей молодости зашло также быстро, как это жаркое тропическое солнце за окном, мне не о чем жалеть, ведь оно блистало так же ярко... но все уходит приятель, даже сфинксы выветриваются, я видел по телеку...

Тут он взял меня в руки, и мне безумно захотелось тоже вернуться назад и хоть на минуту стать струной в его тонких пальцах.

Он посмотрел на меня невидящими глазами, выцветшими также как и популярные когда-то постеры с его изображением, и поднес к виску:

«Ты знаешь, я до сих пор обожаю звук электрогитар... Whatever, Nevermind.

Одновременно с ним остановились сотни сердец...

Andy Slash

Сутки

И вот я здесь. Отдаю свои вещи, расписываюсь. Иду по длинному коридору. Он мне напоминает жизненный путь человека, когда ты не знаешь, что будет в конце. Но о конце Этого пути я знаю. Оборачиваюсь. Бледное лицо Жени. Выдавленная улыбка говорит о том, что ему тоже не сладко. Спасибо, что не бросил. «Этой суммы должно хватить», — последнее, что я от него слышала, пока мы ехали. Подхожу к лифту, в руке легкая сумка — я не должна здесь надолго задержаться. Девятый этаж. Череду кабинетов. Все мелькает перед глазами. Иду, как будто смотрю на все со стороны. Пост медсестры. Она поднимает голову. Отдаю ей карточку, тяжело выговорить то, зачем я сюда пришла. Сочувственная улыбка сменяется выражением строгой напряженности. Ах, да! Я забыла деньги... Нервно-трясущейся рукой ищу конверт. Отдаю медсестре. «Палата 15, направо. Оставляете вещи, переодеваетесь и подходите к «мини операционной» с полотенцем или простыней», лаконично говорит она, пересчитав деньги. Я иду по коридору. Серые двери, жуткий запах медикаментов, стертый и в некоторых местах отходящий от пола линолеум. Искусственные цветы на стенах напоминают о могилах. А ведь это и есть, в своем роде, кладбище. Прохожу мимо двери с табличкой «мин опер». Рядом на диванчике сидят пять девчонок. Видно все делается быстро. Это хорошо, не люблю моменты мучительного ожидания. Я ведь все решила.

Моя палата рядом с операционной. Открываю дверь и слышу звук каталки. Оборачиваюсь. Из операционной девочки-практикантки вывозят очередную пациентку со страдальческим лицом. Неужели так больно? Одна из практиканток смотрит на лежащую. Сколько в ее взгляде отвращения и ни капли сочувствия! Почему? Такое может случиться со всяким. Ошибки молодости и все такое, чем обычно утешает себя современная молодежь. Потом все обязательно наладится. Я захожу в свою палату. Хорошо, что Женины знакомые договорились с этим отделением. Палата на трех человек, но лежит пока одна. Наверное, так же, как и я ждет очереди. За газетой я не вижу ее лица. Быстро забываю о ее существовании. Меня преследует и мучает голос подруги. Я никогда не слышала, чтобы ее голос был настолько напряженным, даже нервным. Это человек с развитой силой воли, обладающий большой выдержкой, редко показывающий свои слабости. И вот я слышу в трубке: «Не делай это, прошу». Легко сказать «не делай». Но не ей придется загубить свою молодость, а мне. Удивительная у меня подруга, не похожая ни на одну другую. И привязана я почему-то именно к ней, к этому немногословному человеку. Рядом с ней я чувствую себя уверенной. В этом человеке всегда таилась какая-то загадка...

— Ой, какая хорошенькая! Такая молоденькая, а уже мамочка! — слышу голос сзади. Как электрическим током меня пронзило слово «мамочка». Поворачиваюсь. Маленькая пухленькая женщина лет 35 смотрит на меня и улыбается. Лицо, лишенное признаков красоты, но из-за улыбки кажущееся достаточно милым. Большое количество веснушек придает ему задорный вид хитрой лисички. Она показывает на кровать рядом с умывальником.

— Ложись лучше сюда. У окна сильно дует. Зачем лишние болячки? Их и так достаточно всплывает в этом состоянии...

Видно отдохнуть и собраться с мыслями мне не удастся. Моя болтушка-соседка не умолкла ни на секунду. Я почти угадала, ей 36 лет и она лежит на сохранении пятого ребенка. Пятого!!! Все четверо мальчики. «Уж очень хочется девочку», — говорила она, помогая мне застилать постель. Такая шустрая, да еще и на сохранении... Я бы не делала резких движе-

ний, ходила осторожно, наверно, боялась бы на живот перевернуться... Ловлю себя на мысли, что куда-то меня понесло не в ту степь.

Время приема. Пришел муж с двумя мальчуганами. Солидный и симпатичный мужчина, спокойный, а в глазах тревога и безграничная любовь. А мальчишкам лет по 10-12. Сразу палата наполнилась шумом, смехом, оживленными разговорами. Мальчишки, наперебой, рассказывали об успехах в школе, отношениях с учителями и одноклассниками, как какой-то Петька обидел Маньку. «Уж мы-то его проучили»... А муж сидит и держит руку жены, сколько тепла и нежности. Я решила не мешать их семейному, пусть не долгому, зато совместному счастью. Выхожу в коридор, очередь не двинулась с места. Что же такое? Почему так долго? побыстрее бы... Иду по коридору. Какая удивительная любовь у моей однопалатницы с мужем! И это после шестнадцати лет совместной жизни. Разве такое бывает? Измеряя шагами коридор, я вспоминала свое знакомство с Женей. Было ли что-то романтическое? Нет. Я была одна, он тоже. Нечастые встречи привели к более частым. Было ли нам интересно друг с другом? Да ведь я совсем не знаю его! У нас почти не было духовных бесед, так, больше для друзей отношения. Согласился бы он оставить ЕГО? Я даже не спрашивала его мнения, напуганная до смерти загубленным будущим. А он? Согласился. А что чувствовал? Кто он для меня?

— За мной выходит мальчишка, который постарше, протягивает апельсин и, немного краснея, говорит: «Мама велела вас угостить». Улыбнулся и побежал обратно. Я уже не чувствую рвения попасть на операционный стол. Невыносимое чувство тоски, мысль, что-бы очередь не двигалась, а застыла и меня спасли от этого рокового шага. Но кто виноват? Я же сама приняла это решение. Я гуляю по коридору, а очередь приближается к концу. Осталась одна девушка. Время приема закончилось и я вернулась в палату. Мне стыдно, больше не перед своим ребенком, а перед этой женщиной. Я пришла сюда, чтобы облегчить себе жизнь, избавившись от НЕГО. А эта женщина лежит здесь, отказываясь от привычных удобств и общения с близкими, ради сохранения жизни пятого ребенка. Не хочу говорить о детях, но разговор надо как-то поддержать и я говорю пару комплементов в адрес ее мужа. Становится интересно, как эти трогательные отношения сохранились так долго.

— Ссорились, конечно, часто — слово за слово. Доходило до криков. Однажды соседка позвонила. Я в зеркало на себя посмотрела, прежде чем открыть, и вижу, смотрит на меня неприбранная женщина злобным, измученным взглядом. И решили себя перестраивать. Мужа, по мере возможности, встречала с улыбкой, готовила вкусненькое, как при свиданках, и отношения стали меняться. Больше тепла и понимания стало...

Она продолжала говорить, а мои мысли растекались и сосредотачивались на моих отношениях с Женей. Что нас связывает? Совместные походы по гостям и клубам? Секс? А духовные отношения есть? Да, он жаловался на своего начальника. И все? А сама я хотела слышать о его внутреннем мире? Ведь он не глупый парень, что же было не так?

— Сколько у тебя уже?

Я отрываюсь, в очередной раз, от своих мыслей и не понимаю о чем она.

— Сколько недель уже? — повторяет на свой вопрос

— Около двенадцати, — ответ дается с трудом.

— Так мы уже большие! Я когда с первым ходила, думала — пока не шевелится, значит ничего не сформировалось, а врач посмеялся надо мной и говорит «у него уже ноготочки с ресничками есть, к десяти неделям у ребенка включаются в работу все системы организма».

Как же стыдно! Наверное, щеки краснеют. Что она подумает, когда узнает, зачем я здесь?

— А ребенок в таком возрасте мыслит или нет?

— Не знаю, мыслит ли, но чувствует точно. Когда взрослый еще только решает сделать какое-то движение, у ребенка уже учащается пульс. А ведь взрослый для этого еще ничего не делает, только принимает решение...

Что же чувствует мой ребенок? Я выхожу в коридор. Последнюю вывозят из операционной. Моя очередь. Беру полотенце, историю болезни. Захожу в предоперационную. Снимаю халат. Из небольшой комнаты, передо мной, доносятся звуки радио. Иду.

— Ложитесь, говорят мне. За маской я не вижу ни лица врача, ни лица медсестры.

Ложусь. Сколько здесь убито детей? Я ведь никогда не задумывалась, что это убийство. У медсестры в руках шприц. Видно это будет происходить не под общим наркозом. Мрак... Но не от введенного лекарства. Слышу ругательства медсестры и врача. Больница обесточена. Значит, операция откладывается? Значит мне дана передышка и, возможно, до завтра? Лишние деньги за палату. Женя будет недоволен. Захожу в свою палату, меня не встречает радостное гудение хохотушки. У окна в темноте виден ее силуэт. Какая же она полненькая! И насколько муж симпатичнее, а ведь вместе и им хорошо. Она не говорит ни слова. Значит, уже знает, зачем я сюда приехала. Вторая мысль догоняет первую, а третья вторую. Я не могу ничего сказать, потому что нечего. Мысли потихоньку ускользают, не оставляя никакого следа. Ложусь и сворачиваюсь в комочек. Это моя любимая поза. Думаю о родителях. Они ничего не знают. Думают, что я у подруги. Мама, наверное, сидит сейчас в кресле и вяжет, а папа передает ей очередное содержание новостей, которые неизменно происходят у него на работе. Мама... Этому человеку я могла довериться в любую минуту. Никогда я так не нуждалась в ней, как сейчас. Подушка у глаз окончательно намокла. Сама не замечая, я всхлипываю. Обычно во время ссор с родителями я начинала так делать и мама, забывая обо всех обидах, шла ко мне, а у меня сжималось сердце оттого, что я могла так вести себя с самым дорогим и близким для меня человеком. Конечно это до очередной ссоры. Пережитые моменты раскаяния быстро забываются. Зажигается свечка рядом со мной.

— За эту неделю третий раз отключают. Муж принес...

Пауза. Я не знаю о чем она думает, а она молчит и дает мне журнал.

— Завтра почитай до ...этого. Здесь статья сестры мужа, она гинеколог. Думаю, тебе будет интересно.

Она гладит меня по голове, а в глазах я вижу столько боли и сочувствия. Слезы хотят снова вырваться наружу, но я сдерживаю их и отворачиваюсь. Я пуста, если так теперь можно говорить. Наверное, уже около часу ночи. Этот журнал не дает мне покоя. Беру зажигалку и иду в санузел. Неудобно одновременно держать зажигалку, включенной, и листать страницы. Перед глазами мелькают фотографии детей различного возраста. Вот и внутриутробные дети. А дальше страшные фото — остатки детей после аборт. »...1) мини аборт...до 4-недельного срока: шейка матки захватывается пулевыми щипцами и, после расширения шеечного канала, в ее полость вводится трубка от вакуум-аспиратора, в котором создается отрицательное давление для отсасывания содержимого. Аппарат мгновенно умерщвляет его и отправляет в банку для отходов 2) до 12-недель аборт при помощи петлеобразного ножа-кюретки, который расчленяет плод на части и удаляет из матки 3) 13-18 недель... вскрытие плодного пузыря...» Я не подвергну такой пытки малыша. Этого никогда не будет. Захожу в палату и беру мобильный.

— Мам, привет, я из больницы (да, это очень жестоко по отношению к ней)... Нет, со мной все в порядке. У меня будет ребенок, т.е. он уже есть... Мам, послушай, я его чуть не убила... Приезжай завтра, пораньше и прости меня, мамочка... Слезы текут. Мне легче и, в тоже время, больно за маму. Я опять переложил часть своих проблем на ее плечи. Я знаю, сегодня она уже не заснет, она передаст мне все свои силы, тепло и нежность. Я стану такой же замечательной мамой для своего малыша. А как же Женя? Я ему напишу смс, что передумала. Пусть думает, что хочет. Пишу и ложусь спать. Завтра мне предстоит разговор с медсестрой, родителями, слышать вздохи родственников. Но это все будет завтра, а сейчас я слежу, чтобы, по привычке, не перевернуться на живот, ведь, теперь, я не одна и ему, наверное, будет не удобно в придавленном состоянии...

Маленькая ручка, такая пухленькая, с маленькими пальчиками, беззащитная, тянется к сильной руке взрослого, словно ища защиту... Их союз прекрасен...

Резкая боль, уже не во сне, внизу живота. Нарастающая боль, страх, наверное, я кричала. Темнота. Собрались люди из соседних палат, я отдаленно вижу свет от включенных зажигалок и догорающей свечи. А я вдалеке от них, и мысли такие же далекие. Вот ни здесь, а дети? А почему зажигалки, если им нельзя курить? Сколько они здесь лежат? Как хватает

денег? А мой ребенок? Все сжимается. Меня куда-то переносят. Наверное, в ту же злосчастную операционную. Слышу разговоры о неполном опорожнении матки. Значит, мне должны удалить остатки плаценты. Я потеряла ребенка. Я полюбила эту малютку, а ОН уже сам отказался от меня. Слишком долго готовился к своему уничтожению.

«Смерть во все века и у всех народов несла отпечаток таинственности и мистичности. Непредсказуемость, неизбежность, неожиданность и подчас незначительность причин, приводящих к смерти, выводили само понятие смерти за пределы человеческого восприятия, превращали смерть в божественную кару за греховное существование либо в божественный дар, после которого человека ожидает вечная и счастливая жизнь», последняя фраза, которую я помню из того журнала.

— Малыш, пойдем обедать. Бабушка вкусный супчик приготовила...

— Мама, давай папе газету отнесем?

Меня всегда умиляло, как этот карапуз в комбинезоне, как у космонавта, пытается с серьезным видом достать из почтового ящика газету. Сколько важности и серьезности на лице! Такая трогательная забота о папе присутствует всегда, когда мы не хотим идти с гулянья обедать.

— Давай, только побыстрее.

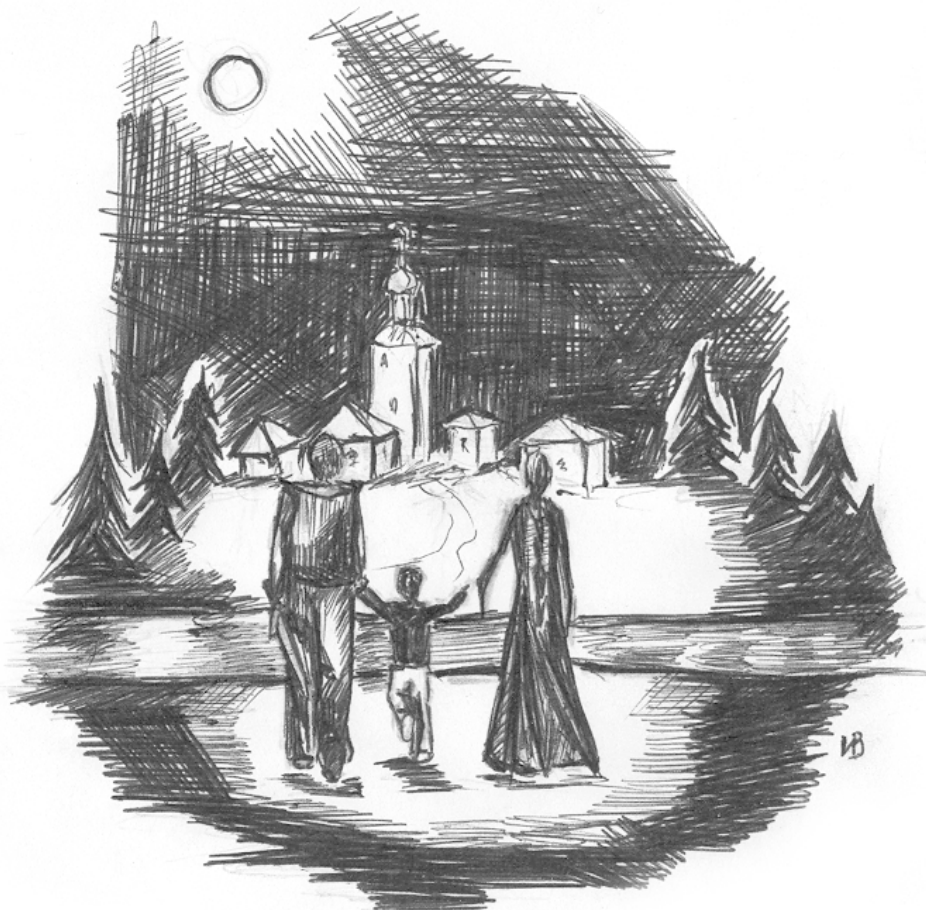
Конечно же, моя помощь была встречена негативом, зато, сколько радости отразилось на лице, когда газета была у него в руках! Газета-реклама. Содержание. В глаза бросается заголовок — «устранение нежелательной беременности на любом сроке». Видно мое лицо изменилось.

— Мамуля, что с тобой? Я съем весь супчик, только не плач...

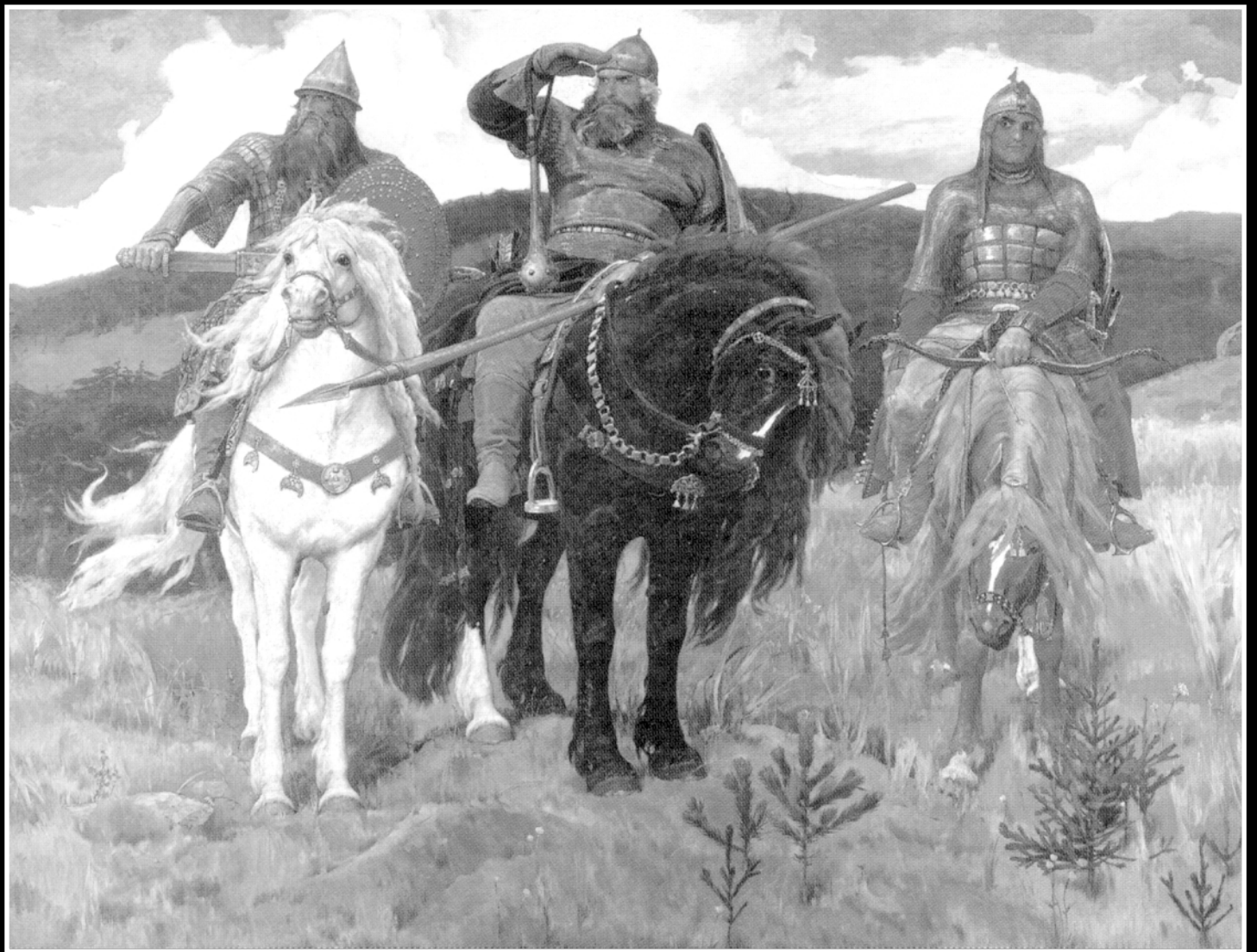
— Женечка, ты правда меня любишь?

— Очень-очень!

Laguna

ПРИРОДНЫЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ, КУЛЬТУРНЫЙ

СЪЕКТ